

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132

Научная статья / Research paper

А.М. Понамарева*

МНЕМОНИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИЙСКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Балканский регион традиционно имеет особое значение для России, при этом в современных условиях Сербия остается одной из немногих европейских стран, потенциально подверженных — в силу сохраняющейся ценностной общности — воздействию российской «мягкой силы». Важным инструментом поддержания этой общности является политика памяти, которая позволяет формулировать объединяющие исторические нарративы, обеспечивать совпадающее восприятие ключевых событий общей истории, оценивать на этой основе текущую ситуацию и рисовать образ желаемого будущего. В то же время такая политика имеет и вполне конкретные объективные ограничения. В статье предпринимается попытка проанализировать устойчивость российско-сербского мнемонического союза. В основе исследования лежит понятие «мнемоническая дипломатия», под которым подразумевается совокупность приемов и методов утверждения, согласования и распространения определенных исторических нарративов, призванных содействовать решению задач внешней политики государства. По мнению автора, краеугольным камнем российско-сербского альянса памяти является прежде всего общность оценок событий Второй мировой войны. В статье обозначены ключевые этапы, внутренние и внешние детерминанты складывания этого мнемонического союза, а также выявлены противоречия и конфликты, которые были присущи данному процессу. В связи с этим автор подчеркивает, что в рамках российско-сербского альянса памяти обе стороны всегда преследовали собственные цели. Так, Сербия стремилась с его помощью повысить свою роль в балканской и, шире, европейской политике, а также укрепить отношения с традиционным геополитическим союзником. Для России этот мнемонический

---

* Понамарева Анастасия Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН (e-mail: amp1982@mail.ru).

союз приобрел особое значение, когда руководство страны взяло курс на трансформацию мирового порядка, сложившегося после окончания холодной войны. Однако именно этот поворот российской внешней политики, наиболее ярко проявившийся с началом специальной военной операции на Украине, резко усложнил положение Сербии, в том числе в области политики памяти, одновременно рельефно обозначив пределы российско-сербского мнемонического союза. Автор заключает, что и эффективность мнемонической дипломатии, и, шире, сама возможность формирования и поддержания мнемонического союзничества зависят в конечном счете от совокупности объективных факторов: наличия тесных экономических связей и взаимной геополитической заинтересованности. Вынесенные за пределы этой комфортной зоны комплементарные исторические нарративы, построенные на обращении к общему наследию, быстро утрачивают силу притяжения.

Ключевые слова: мнемоническая дипломатия, политика памяти, историческая политика, символическая политика, Россия, Сербия, российско-сербские отношения, Западные Балканы, мнемонический союз, политическая идентичность, Вторая мировая война

Для цитирования: Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 93–132. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132.

Anastasiya M. Ponomareva

**MNEMONIC DIPLOMACY
IN RUSSIAN-SERBIAN RELATIONS:
THE LIMITS OF THE POSSIBLE**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

The Balkan region has traditionally been of particular importance for Russia, and currently Serbia remains one of the few European countries potentially exposed, due to ideological affinity, to the influence of Russia's soft power. Memory policy is an important tool in creating and maintaining this affinity because it enables formulation of unifying historical narratives and shared vision of the key events in the common history, thereby providing underpinning for assessments of current developments and for creating an image of the desired future. However, it has its limits and boundaries, and this paper aims at assess-

ing the strength of the Russian-Serbian mnemonic union. The research builds on the concept of 'mnemonic diplomacy', which refers to a set of techniques and methods for the affirmation, coordination and dissemination of certain historical narratives designed to support the state's foreign policy activities. The author argues that the Russian-Serbian memory alliance is based primarily on common assessments of the events of World War II. The paper examines the key stages, internal and external drivers of this mnemonic union development, as well as identifies contradictions and conflicts inherent to this process. The author emphasizes that within the framework of the Russian-Serbian memory alliance both parties have always pursued their own goals. For instance, Serbia sought to use it to increase its weight in the Balkan and, more broadly, European politics, as well as to strengthen relations with its traditional geopolitical ally. For Russia, this mnemonic alliance acquired particular significance when the country's leaders set a course for transforming the post-Cold War world order. However, it was exactly this new turn of Russia's foreign policy whose most visible manifestation was the launch of the special military operation in Ukraine that dramatically complicated Serbia's position, including that in the field of memory politics. At the same time it has revealed the limits of the Russian-Serbian mnemonic union. The author concludes that the effectiveness of mnemonic diplomacy and, more broadly, the very possibility of forming and maintaining mnemonic alliances, ultimately depend on a combination of objective factors, including close economic ties and mutual geopolitical interest. Pushed outside this comfort zone, complementary historical narratives built solely on the appeal to the common heritage quickly lose their power of attraction.

Keywords: mnemonic diplomacy, memory politics, history politics, symbolic politics, Russia, Serbia, Russian-Serbian relations, Western Balkans, mnemonic alliance, political identity, World War II

About the author: Anastasiya M. Ponamareva — PhD (Sociology), Senior Research Fellow, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: amp1982@mail.ru).

For citation: Ponamareva A.M. 2023. Mnemonic diplomacy in Russian-Serbian relations: The limits of the possible. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 93–132. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132. (In Russ.)

Российско-сербские отношения, складывавшиеся на протяжении веков и основанные на общности славянских народов и православной веры, всегда зависели от внешнеполитического контекста. В период «европейского концерта» — от отношений России с другими

его участниками; в годы холодной войны — от динамики блоковой конкуренции и умения малых государств играть на противоречиях супердержав; с наступлением затянувшегося на десятилетия «однополярного момента» США — от готовности каждой из сторон поступиться своей идентичностью ради вхождения в «просвещенный» западный мир и, что не менее важно, от готовности этого мира принять «неофитов от демократии», причем в качестве равноправных партнеров.

К сожалению, последующие исторические события подтвердили диагноз норвежского антрополога Ивера Нойманна, озвученный им в книге «Использование “Другого”»: в европейском дискурсе диапазон ролей, отведенных России, ограничивается двумя — «варвара у ворот» или «вечного подмастерья», чье вступление в цех постоянно откладывается, а критерии принятия меняются [Нойманн, 2004]. Курс на сближение с Западом, взятый Россией после окончания холодной войны, себя не оправдал, и, что характерно, первый яркий символический жест, иллюстрировавший внешнеполитическую переориентацию страны, так называемый разворот Е.М. Примакова над Атлантикой¹, оказался связан с началом военной операции НАТО в Союзной Республике Югославия.

Трансформация внешнеполитических приоритетов России нашла отражение в Концепции внешней политики РФ 2000 г.², в которой впервые было зафиксировано намерение страны добиваться формирования многополярной системы международных отношений. В русле этой логики была выдержана Мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г., когда президент Российской Федерации пообещал противо-

---

¹ 24 марта 1999 г. премьер-министр России Е.М. Примаков направлялся с официальным визитом в Соединенные Штаты Америки. Уже в самолете он узнал о том, что силы НАТО во главе с США начали военную операцию против Югославии. Массированные воздушные бомбардировки суверенного европейского государства без какой-либо санкции Совета Безопасности ООН стали примером грубейшего нарушения международного права. Е.М. Примаков приказал развернуть самолет, и правительственный борт вернулся в Москву. Тем самым Россия продемонстрировала солидарность с сербским народом, осудив агрессию Запада в отношении Югославии и отказавшись поддерживать политику НАТО.

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 23.01.2023).

действовать расширению НАТО на восток военным путем³. Как отмечает Д.В. Ефременко, «Мюнхенская речь Владимира Путина обозначила переход к определению онтологической безопасности российского общества и государства в системе координат, конфронтационной по отношению к американоцентричному миропорядку, но более привычной и даже комфортной для макрополитического сообщества» [Ефременко, 2022]. В 2008 г. по итогам вооруженного конфликта в Южной Осетии президент России Д.А. Медведев (2008–2012) обозначил принципы выстраивания внешней политики страны, а именно: безусловное признание многополярности мира и первенства основополагающих норм международного права, направленность России на конфронтацию ни с одним государством при сохранении в качестве приоритетных задач защиты жизни и достоинства российских граждан (где бы они ни находились) и соблюдения интересов России в дружественных ей регионах⁴. Многополярность, если опираться на текст новой Концепции внешней политики РФ 2008 г.⁵, подразумевала не просто справедливый мировой порядок, но глобальную безопасность.

Казалось бы, этот подход нашел понимание у Белого дома, и основной парадигмой американо-российских отношений в период первого президентства Б. Обамы (2009–2012) стала «перезагрузка», однако даже на стадии ее расцвета США, по справедливому замечанию известного ученого-международника Ф.Г. Войтоловского, не были готовы предложить России что-то большее, чем новую форму асимметричного партнерства⁶. Таким образом, негативные тенденции в отношениях Москвы и «коллективного Запада», от имени которого говорил преимущественно Вашингтон, стали нарастать задолго до Евромайдана на Украине, но точка невозврата была прой-

---

³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Официальный сайт Президента России. 10.02.2007. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ Шкель Т. Дмитрий Медведев назвал пять принципов внешней политики России // Российская газета. 01.09.2022. Доступ: <https://rg.ru/2008/09/01/principy.html> (дата обращения: 23.01.2023).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.01.2023).

⁶ Чесноков Э. Почему Барак Обама не смог перезагрузить отношения с Россией // Комсомольская правда. 04.08.2021. Доступ: <https://www.kp.ru/daily/28312/4454249/> (дата обращения: 23.01.2023).

дена в 2014 г. Правда, если для западной стороны она была связана с вхождением Крыма в состав РФ, то для России — с намеренным срывом подписанного в Киеве при участии министров иностранных дел Франции, Германии и Польши соглашения, предусматривавшего поэтапный план политического урегулирования в «незалежной». Маховик санкций, запущенный против нашей страны, стал набирать обороты, а события вокруг Донбасса, вылившиеся в гражданскую войну на Украине, окончательно развели Россию и Запад по разные стороны баррикад.

В таких условиях 24 февраля 2022 г. началась специальная военная операция РФ на Украине, которая проводится против численно превосходящего противника, имеющего боевой опыт и получающего снабжение, финансирование, оснащение и разведывательные данные от стран НАТО во главе с США⁷. Можно заключить, что для России соображения онтологической безопасности возобладали над рациональностью дня сегодняшнего и сопутствующие риски были сочтены приемлемыми в контексте борьбы за сохранение статуса великой державы.

Возрастание турбулентности на международной арене, становление «миропорядка Z» [Ефременко, 2022], тот факт, что Балканы были и остаются «пороховой бочкой Европы», представляются достаточными для того, чтобы задаться вопросом об устойчивости российско-сербских отношений и роли механизмов политического использования прошлого в укреплении этой устойчивости. Можем ли мы прогнозировать, что в текущих условиях ценностная общность России и Сербии окажется более значимой, чем институцио-

---

⁷ В общей сложности только в период с 24 января (когда НАТО объявило о повышении боеготовности своих войск в связи с ситуацией на Украине) по 3 августа 2022 г., по данным проекта Кильского института мировой экономики, объем обязательств западных стран по оказанию военной и финансовой помощи Украине достиг 84,2 млрд евро. В эту сумму включены обязательства 40 государств, в том числе G7 и стран ЕС, обязательства институтов Европейского союза (Европейской комиссии, Совета Европейского союза и Европейского инвестиционного банка), а также Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Южной Кореи, Швейцарии, Турции, Индии, Китая и Тайваня. Данные приводятся по: Kiel working paper No. 2218. The Ukraine support tracker: Which countries help Ukraine and how? // Kiel Institute for the World Economy. February 2023. Available at: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateivverwaltung/IfW-Publications/-ifw/Kiel_Working_Paper/2022/KWP_2218_Which_countries_help_Ukraine_and_how_/KWP_2218_Trebesch_et_al_Ukraine_Support_Tracker.pdf (accessed: 23.01.2023).

нальное давление, вынуждающее Белград и дальше продвигаться на пути к интеграции в Европейский союз и НАТО?

Одним из опорных элементов общественно-политического дискурса современных России и Сербии выступает политика памяти в отношении наследия Второй мировой войны, в рамках которой властные элиты обеих стран используют нарратив о победе над национал-социализмом в качестве инструмента внутригосударственной консолидации и дополнительной легитимации собственных решений. Параллельно с этим история героического народного сопротивления «коричневой чуме» (в той своей части, которая ориентирована на внешнюю аудиторию) работает на укрепление сотрудничества между двумя государствами. С учетом комплементарности российского и сербского официальных исторических нарративов в области публичной политики выстраивается своеобразная линия «дипломатии памяти», или мнемонической дипломатии, предполагающая активное сотворчество, а не просто одностороннюю трансляцию собственной оценки событий прошлого наиболее весомым международным игроком.

В рамках настоящей статьи прослеживается формирование российско-сербского альянса памяти о Второй мировой войне⁸, определяется триггер, способствовавший его возникновению, а также обозначаются те преимущества, которые каждая из сторон извлекает из взаимодействия в плоскости мнемонической дипломатии, и те внешние и внутренние факторы, что размывают устойчивость российско-сербского мнемонического союза. Предпринимается попытка ответить на вопрос, способна ли мнемоническая дипломатия оказывать значимое влияние на внешнеполитическую стратегию государства или же она имеет чисто вспомогательное значение, отражая уровень текущих отношений и не более.

---

⁸ Безусловно, российско-сербское взаимодействие в области «дипломатии памяти» не ограничивается одним лишь вопросом согласования нарративов, касающихся Второй мировой войны. В рамках двусторонних отношений с Сербией активно использовалась тематика Первой мировой войны, что неудивительно, поскольку Россия оказала значительную помощь своей балканской союзнице. Однако с учетом объективных ограничений, связанных с объемом статьи, и роли Второй мировой войны как точки отсчета в становлении Ялтинско-Потсдамского миропорядка и «учредительного события» для всех политических наций евразийского пространства мы сосредоточим свое внимание на рассмотрении именно этого исторического сюжета.

Дать аргументированные ответы на перечисленные вопросы, с точки зрения автора, невозможно без понимания мирополитического контекста взаимодействия официальных Москвы и Белграда, а с учетом очевидной асимметричности двусторонних отношений — без анализа методов борьбы современной России за подтверждение статуса великой державы. Таким образом, еще одной исследовательской задачей настоящей статьи выступает определение той стратегии, которая используется Москвой на этом пути, в том числе на балканском треке.

Методологические основы исследования

Выводы исследования были получены с использованием дискурс-анализа, выполненного на различных типах документов, включая пресс-релизы, тексты политических выступлений, СМИ и т.п. Обращение к дискурс-анализу позволяет прояснить, как семантические конструкции оформляют культурно и политически обусловленные исторические интерпретации и каким образом они проецируют прошлое на политически значимые события настоящего. При оценке эволюции роли «мест памяти» Сербии в общественно-политическом дискурсе, в частности кладбища освободителей Белграда, были использованы элементы этнографического похода. С учетом сверхсложности и сверхдетерминированности феномена политики памяти работа приобрела междисциплинарный характер и была построена на стыке истории, социологии, политологии и международных отношений.

Система координат настоящего исследования была задана работами современных отечественных авторов, внесших наибольший вклад в изучение специфики влияния идентичности на выбор форм и моделей поведения субъектов мировой политики, а именно трудами И.Л. Прохоренко [Прохоренко, 2017], И.С. Семененко [Семененко, 2011a; 2011b; 2016], Е.Ю. Цумаровой [Цумарова, 2012], Л.А. Фадеевой [Фадеева, 2012] и др. Сопоставление гипотез, высказанных этими учеными, и предлагаемых ими трактовок политики идентичности определило саму постановку исследовательского вопроса и характер анализа накопленного материала. Так, соприкасаясь с проблематикой политики идентичности, мы рассматриваем последнюю как *identity policy*, т.е. совокупность целенаправленных действий институциональных акторов, прежде всего государств, которые через инструменты публичной дипломатии и институты социализации

формируют свой проект нацистроительства [Семененко, 2011b: 18]. При этом диалектическое понимание отношений агентов и структур, на необходимость которого указывал К. Хэй [Hay, 2010], следует дополнить с учетом того, что диапазон свободы действий акторов политики идентичности ограничен структурными характеристиками среды, а она в свою очередь нестатична и меняется под влиянием накопительного эффекта самих их действий.

Не вполне привычным, если говорить о категориально-понятийном аппарате статьи, представляется термин «мнемоническая дипломатия». Поясняя, почему именно он используется в данном исследовании для осмысления и изучения феномена исторической памяти в межгосударственном взаимодействии, нельзя не упомянуть новаторскую в рамках отечественной науки работу О.С. Нагорной «Репрезентации прошлого в международных публичных пространствах: практики и границы мемориальной дипломатии» [Нагорная, 2020]. В ней автор отмечает слабость концептуального оформления внационального измерения изучения памяти и предлагает коллегам расширить круг исследовательских вопросов, касающихся политики памяти, вводя термин «мемориальная дипломатия», под которым понимает «усилия государственных и общественных организаций по использованию совместной исторической памяти в целях управления межнациональными отношениями» [Нагорная, 2020: 93]. Однако неочевидна целесообразность расширения числа потенциальных «носителей» данного вида дипломатии за счет включения в их список общественных (неправительственных) организаций. Если мы отталкиваемся от классического определения дипломатии, то ядром такового остается фиксация на использовании этого инструмента для защиты национальных интересов государства. Понимание национальных интересов у государственных и общественных структур может различаться, и включение последних в число субъектов «дипломатии памяти» размывает предлагаемую категорию. Кроме того, поскольку обращение к исторической памяти неизменно является ответом на вызовы сегодняшнего дня и прошлое переосмысливается сообразно текущей политической конъюнктуре, эпитет «мнемоническая» в применении к дипломатии представляется более точным, чем определение «мемориальная». С одной стороны, он позволяет подчеркнуть изменчивую природу внешнеполитического процесса, зависящего от нюансов взаимного восприятия, с другой — фиксирует внимание на совокупности

приемов и методов передачи информации (от греч. *mneponikon* — искусство запоминания), а не на материальных объектах («мемориальный» — т.е. служащий для увековечивания памяти о чем-либо). Таким образом, в данной работе мы будем оперировать именно понятием «мнемоническая дипломатия», определяя его как совокупность приемов и методов утверждения, согласования и распространения исторических нарративов, призванных содействовать решению внешнеполитических задач государства, сознательно используемых в межгосударственном взаимодействии на уровне глав государств, правительств и специальных органов внешней политики.

Понятия «мнемоническая дипломатия» и «символическая политика» частично пересекаются, если трактовать последнее как неотъемлемую часть реальной политики и «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/ навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова, 2010: 92]. В связи с этим в рассмотрении мнемонической дипломатии как одного из инструментов символической политики при анализе специфики столкновения конкурирующих исторических нарративов в мирополитическом пространстве учитывались разработки А.И. Миллера [Миллер, 2012; 2016], Д.В. Ефременко [Ефременко, 2005, 2021; Ефременко, Севостьянова, 2020], Е.Ю. Мелешкиной [Мелешкина, 2018], О.Ю. Малиновой [Малинова, 2018] — авторов, изучающих различные нюансы стратегического использования символического капитала в борьбе за внедрение собственных интерпретационных схем.

Непосредственно в рамках российско-сербских отношений эффективность российского экспорта «правильной» версии исторического прошлого оценивалась в исследовании руководителя центра российских и евроазиатских исследований Общества Генри Джексона при Кембриджском университете доктора Дж. Макглинн и эксперта Венского университета Х. Джуреинович [McGlynn, Đureinović, 2022]. В силу того что одной из основных скреп мнемонического союза России и Сербии стала память о Второй мировой войне⁹, полезна

---

⁹ Не отрицая важности общего исторического прошлого Первой мировой войны в российско-сербском взаимодействии, отметим, что столь же устойчивого, как в случае Второй мировой войны, общественно-политического консенсуса в отношении трактовки роли, итогов, героев и жертв в России не сложилось. В настоящее время государственные и общественные усилия скорее направлены на то, чтобы найти место этой «забытой войне» в национальном историческом нарративе.

для раскрытия проблемы ревизии истории диссертация С.И. Белова, в которой данная тема была впервые в отечественной политологии выведена в качестве отдельного объекта исследования. При этом можно заключить, что некоторые выводы автора нуждаются в уточнении, в частности тезис об отсутствии внятного и последовательного позиционирования Россией своей мнемонической концепции на внешнеполитической арене [Белов, 2021: 48]. Представляется, что невосприимчивость контрагентов связана не столько с издержками российского самопозиционирования, сколько с тем, что, как точно подмечает известный российский международник А.В. Фененко, «применение мягкой силы возможно лишь там и тогда, где объект воздействия готов её принять или, по крайней мере, относится к ней нейтрально. Там, где элиты настроены к стране — субъекту мягкой силы изначально враждебно или воспринимают ее как более низкую культуру по сравнению со своей, она теряет влияние». Приходится признать, что в применении стратегии антимягкой силы, т.е. в способности государства «сделать оппонента “непривлекательным”, “ненравящимся”, а в некоторых случаях и “неприемлемым” в глазах своего общества» [Фененко, 2020: 45], геополитические противники России добились значимых результатов.

Полагая, что невозможно уловить все нюансы мнемонической дипломатии России и Сербии, ограничив их рассмотрение плоскостью двусторонних отношений, мы расширяем количество подлежащих изучению факторов потенциального влияния. И одним из приоритетных и требующих более подробного описания вслед за Я. Шчепановичем считаем отражение стремления России подтвердить свой статус великой державы в политике на балканском направлении [Šćerpanović, 2022]. Влияние фрустрации от невозможности добиться соответствия между саморепрезентацией на международной арене и образом, складывающимся у значимых референтных субъектов мировой политики, применительно к России рассматривалось в работах Д. Ларсон, А. Шевченко, А. Крицковича, Ю. Вебер и У. Уолфорта [см., в частности: Krickovic, Weber, 2018; Larson, Shevchenko, 2019; Larson, Wohlforth, 2014]. Если исходить из транслируемого ими предположения, что от претензий на великодержавность Россия никогда

И, следовательно, обращение ко Второй мировой войне с точки зрения мнемонической дипломатии для России более удобный и привычный механизм, чем работа с наследием Первой мировой войны.

не отказывалась, то колебания во внешней политике должны отражать смену стратегий достижения искомого статуса. Опираясь на теорию социальной идентичности, изначально разработанную для анализа результатов межгруппового взаимодействия британским психологом Г. Тэджфелом [Tajfel, 1982], мы вслед за применившими ее положения к изучению международных отношений Д. Ларсон и А. Шевченко можем выделить следующие три стратегии поиска государством своей статусной позиции: 1) *социальная мобильность* — готовность государства карабкаться вверх по статусной лестнице, соблюдая сложившиеся правила игры; 2) *социальная конкуренция* — отказ признавать легитимными действующие правила и нормы, коль скоро они не оставляют государству-ревизионисту пространства для вертикальной мобильности; 3) *социальное творчество* — попытка перенести игру на свое поле, где удастся достичь доминирования, не отказываясь от самой игры [Larson, Shevchenko, 2010: 71–75]. Внешнеполитическая доктрина государства зачастую сочетает различные элементы трех обозначенных стратегий, подстраиваясь под текущую обстановку [Горельский, Миронюк, 2019].

Обращение к теории социальной идентичности расширяет наше понимание агрессивного поведения государств, которое может быть результатом не только увеличения материальных (а именно военных) возможностей, но и осознания нелегитимности существующей статусной иерархии. Государства стремятся к позитивной и самобытной идентичности и вступают в группы (сообщества привилегированных), обладающие ею. Это требует от них соблюдения стандартов, установленных членами группы. Однако критерии статуса великой державы постепенно меняются. Неслучайно, уступая конкурентам по таким параметрам, как благополучие граждан, эффективность управления экономикой, Россия неизменно подчеркивала важность иного критерия «величия» — сохранения традиционного вестфальского суверенитета.

Становление независимой Сербии:

«приватизация» общей истории Второй мировой войны

В основе российско-сербского альянса памяти о Второй мировой войне лежит общий исторический опыт осени 1944 г., когда Красная армия и Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) вместе сражались против сил стран оси на территории Сербии. К 20 октября Белград и большая часть страны были полностью

освобождены от нацистских оккупантов [Белградская операция, 1990], а 28 октября 1944 г. маршал Тито, выступая перед участниками парада югославских войск, заявил: «В боях за Белград воины славной Красной армии и наши воины объединились для совместной борьбы против немцев. Улицы Белграда были политы кровью сынов всех народов Югославии и кровью героев Красной армии, сынов великого Советского Союза. Именно поэтому борьба за Белград имеет исключительное историческое значение»¹⁰. В этих боях пали смертью храбрых 4350 воинов Красной армии, потери югославских партизан составили около 3000 человек¹¹.

Вклад Тито в разгром гитлеровских войск был высоко оценен И.В. Сталиным: 9 сентября 1945 г. югославскому маршалу вручили высшую военную награду СССР — орден «Победа». Помимо него подобной чести удостоивались только американский президент Д. Эйзенхауэр, Б. Монтоммери, король Румынии Михай I и польский маршал М. Роля-Жимерский.

В целом в период с 1944 по 1948 г. на официальном уровне выстраивания политики памяти о Второй мировой войне подчеркивалось значение советско-югославского союза в сопротивлении нацизму с акцентом на роли СССР [Živanović, 2020: 142].

При этом на пути укрепления «братства и единства» народов самой Югославии стояли воспоминания о межэтническом насилии. Сложное наследие Второй мировой войны в регионе не позволяло с легкостью разграничить жертв и преступников.

Сразу после советско-югославского раскола 1948–1949 гг., завершившегося разрывом двусторонних отношений, в Федеративной Народной Республике Югославия (ФНРЮ) участие СССР в освобождении ее территории стали замалчивать [Živanović, 2020: 145]. В 1951 г. был показательно снесен памятник советским бойцам, павшим при освобождении Белграда, установленный в ноябре 1944 г. на центральной площади столицы. Также были убраны те 18 больших и 84 малых памятника воинам Красной армии, что спонтанно создавались в первые послевоенные годы в разных частях города. Все

---

¹⁰ Освобождение Белграда: как фашистов выкуривали из столицы Югославии // РИА Новости. 17.02.2020. Доступ: <https://ria.ru/20191020/1559941778.html?ysclid=lbtsgvprw7w259796342> (дата обращения: 23.01.2023).

¹¹ Статистика приводится по: В Сербии ко Дню Победы впервые включили праздничное освещение Парка освободителей Белграда // ТАСС. 09.05.2020. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/8434267> (дата обращения: 23.01.2023).

останки советских воинов власти решили перезахоронить в специальном комплексе, который и был построен в 1954 г.¹²

К тому времени внешнеполитические страсти несколько поутихли, и кладбище освободителей Белграда стало последним домом для 818 советских солдат и 1395 югославских. Однако взаимное охлаждение СССР и ФНРЮ всё же нашло отражение в архитектуре комплекса. Так, у входа на кладбище находится изваяние югославского партизана — и только, причем на барельефах вокруг изображены батальные сцены, где югославы сражаются с немцами, а рядом просто стоят советские солдаты. При этом статуя советского воина расположена в глубине мемориального комплекса и представляет собой фигуру довольно нелепую. Солдат, находящийся на посту, изображен прислонившимся к стене, на нем — шапка-ушанка (что, безусловно, отражает стереотипное представление о русских, но не соответствует исторической правде, если задуматься о температурном режиме стран Южной Европы в середине октября), и одет он в шинель до пят, хотя подобные в нашей армии весной 1942 г. приказом Верховного главнокомандующего были заменены на ватные куртки.

Таким образом, если рассматривать данный архитектурный комплекс с точки зрения адекватного отображения роли советских красноармейцев в освобождении Югославии, мы увидим перед собой не столько «место памяти», сколько «место алиби» — означающее без означаемого¹³.

---

¹² Там же.

¹³ Термин «место алиби» как своеобразная парафраза классического понятия «место памяти» Пьера Нора был использован ведущим научным сотрудником Института социологии ФНИСЦ РАН доктором политических наук А.В. Митрофановой и ведущим научным сотрудником Института гуманитарных исследований ПФИЦ УРО РАН доктором философских наук С.В. Рязановой в рамках совместного доклада на заседании первого междисциплинарного методологического семинара «Структура факта» кафедры истории России Новейшего времени РГГУ и кафедры внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Эксперты выступали с сообщением на тему «Хронотоп(ы) травматической памяти: методологический аспект». Представленный доклад отражал результаты исследования авторов, выполненного за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-0036 «Место без времени и время без места: хронотоп “Пермь-36” в контексте конструирования культурной травмы». Было отмечено, что с переходом памяти из коммуникативной в культурную меняется семантическая насыщенность сохранившихся мемориальных объектов. Зачастую изучение совокупности нескольких десятков пространственных и темпоральных характеристик мемориального

В последовавшие за 1954 г. десятилетия акценты в историческом нарративе о победе еще больше сместились в сторону восхваления югославских партизан как освободителей и носителей революционной трансформации общества [Manojlović, 2010: 547].

В первые годы правления С. Милошевича (1989–2000) Народно-освободительная война использовалась сербским режимом в качестве дополнительного источника укрепления символического капитала за счет подчеркивания его преэминентности с Югославией Тито и героическим партизанским движением. Однако в период кровавого распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) режим С. Милошевича выступил в роли этнического антрепренера, осуществив «приватизацию» подвигов югославских партизан как совершенных только и исключительно сербами. Участие других народов СФРЮ было проигнорировано. По мнению автора, тот факт, что в 1990-х годах на сербских коммеморативных мероприятиях, посвященных Второй мировой войне, присутствовали российские, украинские и белорусские дипломаты, но не было представителей других бывших югославских республик, подтверждает гипотезу о «приватизации истории». Тем не менее справедливо будет указать, что такой состав участников коммемораций мог объясняться и негативным восприятием старого югославского нарратива Второй мировой войны в новых независимых государствах и их натянутыми отношениями с Союзной Республикой Югославия (СРЮ).

После свержения С. Милошевича в 2000 г. официальная политика памяти определялась антикоммунистическим консенсусом новых политических элит, внедрявших нарратив, в рамках которого окончание Второй мировой войны означало начало коммунистической оккупации, а не освобождение от нацизма¹⁴. Иными словами, до-

---

объекта (режим видимости объекта, привязка к местности, режимы функционирования места памяти, наличие и характер реставрации и т.п.) подводит исследователя к мысли, что объект существует скорее в качестве формального реверанса перед чем-то требующим уважения, но не является содержательно значимым элементом политики памяти. Подробнее см.: Официальный сайт Междисциплинарного методологического семинара кафедры истории России Новейшего времени РГГУ и кафедры внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова «Структура факта». Доступ: <https://factstructure.com/> (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁴ Na 20. oktobar podsećaju škola i tri ulice // Blic. 21.10.2008. Available at: <https://www.blic.rs/vesti/beograd/na20-oktobar-podsecaju-skola-i-tri-ulice/ctw823s> (accessed: 23.01.2023).

минирующие дискурсы в Сербии вписывались в общую парадигму антикоммунистической политики памяти в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы [Walker, 2018; Мелешкина, 2018]. Отметим, что в 2005 г. ни сербский премьер В. Коштуница, ни президент Сербии Б. Тадич не изъявили желания приехать в Москву на 60-летие Дня Победы, хотя участие в праздновании приняли свыше 50 первых лиц, включая президента США Дж. Буша-мл. и президента Украины В. Ющенко. Последующие 10 лет коммеморативные мероприятия, связанные с мировыми и местными датами Второй мировой войны, были сведены к минимуму [Тимофеев, 2020: 148].

Одновременно ретроспективной криминализации было подвергнуто Народно-освободительное движение, а ранее стигматизированные группы националистов оказались вписанными в ряды «слегка перегнувших палку» борцов за свободу. В 2004 г. сербский парламент принял закон, согласно которому партизаны и четники получили равные права ветеранов Второй мировой войны. Логическим продолжением этой политики стало принятие в 2006 г. закона о реабилитации лиц, которые «без судебного или административного решения или согласно судебному или административному решению были казнены, лишены свободы или других прав по политическим или идеологическим причинам с 6 апреля 1941 г. по сегодняшний день и проживали на территории Республики Сербия»¹⁵. В 2009 г. сербское правительство учредило две государственные комиссии по «пересмотру исторических событий», которые имели место в Сербии во время и сразу после Второй мировой войны [Джурейнович, Попович, 2020: 62].

В доминирующих исторических нарративах роль Красной армии либо полностью игнорировалась, либо признавалась, но лишь с целью показать, что возглавляемые коммунистами партизаны отработывали «советскую» повестку дня и были чем-то внешним по отношению к Сербии и ее народу. День освобождения Белграда перестал быть государственным праздником, 60-летие этого события в 2004 г. официально не отмечалось.

За годы, прошедшие с распада СФРЮ, свыше 500 улиц в Сербии поменяли свои названия, однако (и это необходимо подчеркнуть)

---

¹⁵ Službeni glasnik 33/06 — Zakon o rehabilitaciji, Službeni glasnik RS, br. 33/06 // Botschaft der Bundesrepublik Deutschland Belgrad. Available at: <https://belgrad.diplo.de/blob/2258900/e8f810f305c7d3a49e8e9a7609275d31/rehabilitierungsgesetz-originaltext-data.pdf> (accessed: 23.01.2023).

кампания по переименованию носила антикоммунистический, но не антироссийский характер. Из топонимики городского пространства устранялись ссылки на Ленина, Октябрьскую революцию, Красную армию, но в том же Белграде были сохранены улицы Чехова, Толстого и Горького. Помимо кладбища освободителей Белграда в Сербии остались восемь больших мемориальных комплексов, посвященных советским воинам: в Суботице, Сомборе, Зреняине, Вршаце, Пожареваце, Горни-Милановаце, Ягодине и Заечаре¹⁶.

Сдвиг в сербской политике памяти

Отношение к празднику Победы и участию советских воинов в освобождении Югославии стало меняться по мере разрастания конфликта вокруг Косова и Метохии и формирования у официального Белграда понимания, что обретение этой территорией независимости оказывается всё более вероятным. Изначально в данном вопросе Россия взяла на себя роль политического и мнемонического союзника сербского руководства.

После одностороннего провозглашения независимости Косова 17 февраля 2008 г. Россия совместно с Сербией выступила инициатором созыва экстренного заседания Совета Безопасности ООН, однако на нем 5 из 15 членов высказались в поддержку косоваров¹⁷. К 2008 г. растущая зависимость от России в числе прочего побудила сербские политические элиты инициировать заметные празднования победы над нацизмом и солидаризироваться в политике памяти о Второй мировой войне с официальными нарративами, продвигаемыми Москвой.

В 2009 г. смещение акцентов в сербской политике памяти в направлении признания значимости России было наглядно проиллюстрировано масштабной акцией «Белград помнит: 65 лет свободы»¹⁸. Накануне спешно провели ремонт и реставрацию на кладбище

---

¹⁶ В Сербии начался международный форум организаторов шествия «Бессмертный полк» // ТАСС. 03.11.2021. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/12835021> (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁷ Край Косово объявил независимость, Россия созывает СБ ООН // Известия. 17.02.2008. Доступ: <https://iz.ru/news/418750> (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁸ Борисов А. Сербы с трепетом чтят память советских воинов — освободителей Белграда // Российская газета. 20.10.2019. Доступ: <https://rg.ru/2019/10/20/serby-s-trepetom-chtiat-pamiat-sovetskih-voinov-osvoboditelej-belgrada.html?ysclid=ld07b7ixgy197352260> (дата обращения: 23.01.2023).

освободителей Белграда. Празднование, трансляция которого шла в прямом эфире по национальному телевидению, было посвящено общей борьбе и победе русского и сербского народов над нацизмом, а также будущему сотрудничеству двух стран. Россию на торжествах представляли находившийся в Белграде с визитом президент Д.А. Медведев и члены федерального правительства. Мероприятие завершилось торжественным вечером в столичном Сава-центре, где в своих выступлениях оба президента — и Б. Тадич, и Д.А. Медведев, подчеркивая важность сохранения памяти о совместной борьбе с нацизмом, увязали эту тему с проблемой сепаратизма Косова: «...за наше Косово и Метохию мы будем бороться настойчиво и последовательно — мирными, политическими и дипломатическими средствами. К этому нас обязывает и наше антифашистское наследие», — подчеркнул сербский лидер. «Можете не сомневаться: Россия и дальше будет занимать твердую позицию в международных вопросах, которые мы считаем принципиальными для развития Европы, человечества, всех нас. В том числе и по вопросу территориальной целостности Сербии, по вопросу Косово и Метохии», — заявил в свою очередь Д.А. Медведев под бурные овации зала. Таким образом, защита территориальной целостности Сербии оказалась вписана в нарративный шаблон сопротивления фашистским захватчикам. Коснувшись событий военных лет, Д.А. Медведев напомнил о подвиге югославских партизан, солдат и офицеров 3-го Украинского фронта и подчеркнул недопустимость спекуляции историей¹⁹.

Сдвиг в политике памяти Сербии не может быть понят вне более широкого контекста российско-сербских дипломатических и экономических отношений [Stojanović, 2011]. Поддержка со стороны России приобрела особую значимость для Белграда накануне провозглашения независимости Косова. Тогда правительство Сербии одобрило продажу контрольного пакета акций нефтяного монополиста NIS (Naftna Industrija Srbije) российской газовой компании «Газпром». Соглашение о продаже своего единственного нефтеперерабатывающего предприятия за 400 млн евро Сербия заключила на фоне газового спора между Россией и Украиной²⁰. В ходе своего

---

¹⁹ Медведев: совместные планы Москвы и Белграда будут реализованы // РИА Новости. 29.10.2009. Доступ: <https://www.vesti.ru/article/2210678?ysclid=lc3cr2qne680469115> (дата обращения: 23.01.2023).

²⁰ В 2014 г. по инициативе МВД Сербия начала расследование продажи NIS «Газпром нефти». Условия сделки были поставлены под сомнение, несмотря на

визита в 2009 г. Д.А. Медведев подписал пять соглашений о сотрудничестве в различных областях, включая договоренности по так и не реализованному в итоге проекту газопровода «Южный поток». Он также обсудил потенциальный кредит Сербии в размере 1 млрд долл. и подтвердил поддержку Россией Сербии в косовском вопросе²¹.

Таким образом, проведение совместных коммеморативных мероприятий в отношении наследия Второй мировой войны имело место еще до прихода к власти Сербской прогрессивной партии (СПП) в 2012 г., но интенсивность их возрастала по мере сближения двух стран. Отметим, что СПП, безусловно, является проевропейской партией, но одновременно национально ориентированной и представляющей будущую Сербию в качестве некоего моста между Востоком и Западом. Внешнеполитическая многовекторность Белграда находит отражение и в программных документах партии, где указывается следующее: «Выбор Сербии в пользу вступления в Европейский союз бесспорен, но Сербия может войти в Европу только как целостное государство с Косово и Метохией как составной частью. Одновременно Сербия должна развивать теснейшие отношения с Российской Федерацией, Китаем, Индией и остальными великими политическими и экономическими силами в мире, а также с традиционными друзьями и союзниками нашей страны, и в соответствии со своими программными целями упорно работать над улучшением двусторонних отношений, что подразумевает и деятельность, направленную на изменение позиции тех стран, которые, особенно в последние годы, не оказывали Сербии поддержку»²².

С 2012 г. председатель СПП, президент Сербии с 2017 г. А. Вучич либо лично присутствовал на параде победы на Красной площади, либо отправлял официальное праздничное послание в Россию. Подобное участие представляет собой простейшую форму мнемонической дипломатии: предпринятое другим государством обра-

---

то что контракт был продолжением договоренностей руководителей двух стран и энергетического соглашения между государствами и само решение о продаже впоследствии было ратифицировано скупщиной Сербии.

²¹ Сербия разрешила России купить местных нефтяников // Lenta.ru. 24.12.2008. Доступ: <https://lenta.ru/news/2008/12/24/agree/?ysclid=ld5tsdb3dx504540604> (дата обращения: 23.01.2023).

²² Программа SNS — белая книга «Программа к переменам» // Официальный сайт Сербской прогрессивной партии. 01.10.2011. Доступ: <https://www.sns.org.rs/o-nama/izvrnsni-odbor-srpske-napredne-stranke> (дата обращения: 23.01.2023).

щение к истории, призванное продемонстрировать единство ценностей, а соответственно и общее видение будущего. Но это далеко не единственный доступный формат. Например, для В.В. Путина и С.В. Лаврова с 2014 г. стало традицией возлагать венок к памятнику освободителям Белграда и мемориалу советского солдата во время их визитов. Эти новые ритуалы осуществляются даже в тех случаях, когда посещения российскими высокопоставленными лицами Сербии не совпадают с памятными датами. Показательно, что в 2014 г. сербское правительство пригласило В.В. Путина стать почетным гостем на военном параде «Шаг победителя», посвященном 70-летию освобождения Белграда, именно в тот период, когда Россия столкнулась с попытками международной изоляции на G20 после сецессии Крыма.

Военный парад, проведенный ко Дню освобождения Белграда в 2014 г., стал первым после долгого перерыва²³. С этой даты сербское правительство начало использовать годовщины исторических событий и для демонстрации военной мощи — практика, которая в дальнейшем была распространена и на коммеморативные мероприятия в отношении войн 1990-х годов.

В последующие несколько лет государственные и рабочие визиты С.В. Лаврова (июнь 2014 г., май 2015 г., декабрь 2016 г., февраль 2018 г., апрель 2019 г. и август 2020 г.) и В.В. Путина (январь 2016 г. и март 2019 г.) неизменно включали элементы мнемонической дипломатии, призванные укрепить российско-сербский альянс памяти.

В феврале 2020 г. в ходе заседания российско-сербской межпарламентской комиссии с инициативой создать институт защиты исторической памяти выступил В.В. Володин, причем тогда это предложение было поддержано сербской стороной²⁴. Хотелось бы отметить, что к настоящему времени данная инициатива благополучно почилла в бозе.

---

²³ Два последних по времени военных парада в Белграде были организованы в 1975 г. (по случаю празднования 30-летия победы во Второй мировой войне — с участием военной техники) и в 1985 г. (по случаю 40-летия победы во Второй мировой войне — без участия военной техники).

²⁴ Михайловская М. Россия и Сербия не позволят переписать итоги Второй мировой войны // Парламентская газета. 12.02.2020. Доступ: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-serbiya-ne-pozvolyat-perepisat-itogi-vtoroy-mirovoy-voyny.html?ysclid=ld60anqexc522923608> (дата обращения: 23.01.2023).

В июне 2020 г. на сайте МИД РФ в преддверии рабочего визита С.В. Лаврова в Сербию было опубликовано очередное заявление, постулировавшее «культурно-историческую общность, единство подходов и оценок прошлого и современности». В этом же тексте взвешенный сербский подход к политике памяти имплицитно противопоставлялся позиции иных стран, последовавших по пути искажения истории. Утверждалось: «В Сербии бережно относятся к совместному наследию мировых войн, памяти российских и советских солдат, погибших за свободу наших стран и Европы в целом. Мемориальные объекты поддерживаются в хорошем состоянии»²⁵. Готовность придерживаться одного исторического нарратива неизменно остается для Москвы одним из основополагающих критериев разделения стран на «дружественные» и «недружественные».

Россия не навязывала Сербии роль мнемонического союзника в одностороннем порядке. В 2015 г. по инициативе Москвы сербское представительство Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) провело конференцию, посвященную усвоению «уроков Второй мировой войны»²⁶. Участники российской делегации, которую возглавлял директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ А.Д. Викторов, подвергли критике попытки отдельных стран провести ревизию принципов и приговора Нюрнбергского трибунала, противопоставив таковым объективный подход Сербии²⁷. Тем самым была подтверждена «потенциально симбиотическая связь между войнами памяти и альянсами памяти, в результате чего альянс укрепляется в коалиции против предполагаемых мнемонических врагов» [McGlynn, Đureinović, 2022: 9].

---

²⁵ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с рабочим визитом министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Сербию // Министерство иностранных дел РФ. 17.06.2020. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/kommentarii/1435079/ (дата обращения: 23.01.2023).

²⁶ Комментарий Департамента информации и печати МИД России о конференции ОБСЕ, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны // Министерство иностранных дел РФ. 11.09.2015. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/kommentarii/1514333/ (дата обращения: 23.01.2023).

²⁷ Конференция ОБСЕ «Уроки Второй мировой войны: память и государственная политика» // Посольство Российской Федерации в Республике Сербия. 08.09.2015. Доступ: <http://www.ambasadarusije.rs/ru/vesti/konferencija-obse-uroki-vtoroi-mirovoi-vojni-pamjat-i-gosudarstvennaja-politika> (дата обращения: 23.01.2023).

Отметим, что российские власти оказались достаточно чувствительны к проблемным вопросам сербского исторического прошлого. Стремление не ставить собственного мнемонического союзника в неудобное положение в числе прочего отразил доклад МИД 2018 г. о героизации нацизма в Европе, в котором основное внимание было уделено памяти о Второй мировой войне. Если критика в адрес «недружественных» стран, таких как Соединенное Королевство, содержала даже некоторые преувеличения, то раздел о Сербии — лишь приглушенные ссылки на реабилитацию четников²⁸.

В аналогичном докладе за 2022 г. Сербия вовсе не была включена в список рассматриваемых стран. В комментарии к докладу указывалось: «Наиболее угрожающая ситуация в этой сфере сложилась, помимо Украины, в государствах Прибалтики, в Польше и Чехии»²⁹. Применительно к Республике Сербской — одному из двух энтитетов Боснии и Герцеговины — лишь аккуратно подчеркивались риски, связанные с коммеморативными практиками, сложившимися вокруг весьма неоднозначной фигуры Д. Михайловича: «При этом для местных сербов характерно особое восприятие роли Сербии во Второй мировой войне, в частности правительства в изгнании и его вооруженных сил на Балканах. В июне 2019 г. в Билече был установлен памятник предводителю этнического движения Д. Михайловичу, принимавшему участие в боевых действиях не только против нацистов, но и против партизан народно-освободительной Армии Югославии. Имеются планы по возведению аналогичного памятника в Биелине (Республика Сербская). <...> Кроме того, ежегодно в день ареста Д. Михайловича (10 марта 1946 г.) сторонники этнического движения организуют памятные мероприятия в Вишеграде»³⁰.

Таким образом, к концу второго десятилетия XXI в. сформировался полноценный российско-сербский альянс памяти, выстроенный на совпадении нарративных шаблонов и множестве параллелей в интерпретациях Народно-освободительной и Великой

---

²⁸ О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации 2022 г.) // Официальный сайт МИД РФ. 30.08.2022. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1827824/ (дата обращения: 23.01.2023).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Отечественной войн. При этом сербская сторона демонстрировала большую склонность к этнизации описания действий своей армии, в то время как российская акцентировала «подвиг народов», однако в обоих случаях мы могли видеть стремление отвлечь внимание от роли коммунистической идеологии. Обращение к нарративам национальной гордости позволяло российским и сербским политическим деятелям произвести некое присвоение победы над нацизмом в целях (ре)конструкции и укрепления легитимности режимов у власти. Расширение пространства политической борьбы за счет охвата мнемонического измерения было призвано усилить позиции России за влияние в Сербии против предполагаемых конкурентов, в частности Европейского союза, заявку на вступление в который Сербия подала в сентябре 2009 г.

Вызовы евроинтеграции и политика памяти

Стремление государств Западных Балкан интегрироваться в Европейский союз или хотя бы выстроить более тесные связи с его институциональной инфраструктурой сопровождалось попытками «поднять» собственный локальный и региональный опыт прохождения через испытания Второй мировой войны до уровня общеевропейской памяти. Однако широко распространенные в посткоммунистической Югославии интерпретации прошлого, в частности идея о том, что насилие в военное время затронуло в первую очередь титульные народы республик, а не евреев, бросали вызов нарративу о Холокосте как ядру транснациональной культуры памяти в Западной Европе [Миллер, 2016]. Акцент на всеобщем страдании не столь охотно воспринимался на Балканах, где страдания титульной нации, как правило, выдвигались на передний план наряду с оппозицией немецко-фашистской оккупации.

Но и сам космополитический проект европейской памяти оказался под угрозой с 2004 г. — начала расширения Европейского союза на восток. Общая транснациональная память столкнулась с множественностью национальных памятей. В терминах немецкого историка и культуролога А. Ассман Европе Холокоста оказалась противопоставлена Европа ГУЛАГа³¹. Последовательное уравнивание жертв нацизма и коммунизма и исключение ответственности собственной

---

³¹ См. комментарий к книге: Europa: Notre histoire / Ed. by E. François, T. Serrier. Paris: Éditions des Arènes, 2017.

нации за преступления периода Второй мировой войны, безусловно, негативно сказывались на общеевропейском единстве вплоть до 24 февраля 2022 г., когда появление старого, привычного уже «врага у ворот» вновь временно сгладило имеющиеся исторические противоречия.

Востребованной оказалась сформированная за десятилетие до данных драматических событий «инфраструктура для подготовки своеобразного “Нюрнберга” над Советским Союзом»³², в основу которой легли резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) № 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (2006)³³ и резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» (2009)³⁴. Оба документа фактически поставили знак равенства между нацистской Германией — страной-агрессором — и СССР, народы которого ценой огромных жертв освободили Европу от «коричневой чумы». Однако в Сербии «переход от признания Холокоста центральным трагическим событием европейской истории XX в. к “приравниванию” преступлений фашистских и коммунистических тоталитарных режимов позволил фактически завершить реабилитацию четников как национальной силы, боровшейся и с фашистами (немецкими и итальянскими оккупантами, а также устахами), и с коммунистами» [Ефременко, 2021: 141].

Помимо уже упоминавшихся резолюций ПАСЕ и Парламентской ассамблеи ОБСЕ этим же целям служили подписание Пражской

---

³² Дюков А.Р. К подготовке «Анти-Нюрнберга». Новое средство от развала ЕС // Русский век. 23.11.2011. Доступ: https://ruvek.mid.ru/publications/k_podgotovke_anti_nyurnberga_novoe_sredstvo_ot_razvala_es_6329/ (дата обращения: 23.01.2023).

³³ Резолюция 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» // Парламентская ассамблея Совета Европы. 25.01.2006. Доступ: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp (дата обращения: 23.01.2023).

³⁴ Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. Вильнюс, 29 июня — 3 июля 2009 г. // Парламентская ассамблея ОБСЕ. С. 53–56. Доступ: <https://www.oscepa.org/documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file> (дата обращения: 23.01.2023).

декларации о европейской совести и коммунизме (2008)³⁵, Декларации о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (2008)³⁶, Варшавской Декларации по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов (2011)³⁷; создание образовательного проекта «Платформа европейской памяти и совести» (2011); совместные заявления представителей правительств государств — членов ЕС от 23 августа 2018 г. о почтении памяти жертв коммунизма и, наконец, принятая в сентябре 2019 г. 535 голосами «за» при всего 66 «против» резолюция Европарламента «О важности европейской памяти для будущего Европы»³⁸. Этот факт заслуживает упоминания, но его детальное рассмотрение не входит в задачи исследования. Столь подробное перечисление документов было необходимо нам для того, чтобы проиллюстрировать тезис о несовместимости выбора Сербией проевропейской (в том виде, в каком она задается «младоевропейцами») ориентации в символической политике с сохранением альянса памяти с Россией. И по мере расхождения РФ с коллективным Западом, разочарования Белграда в способности Москвы качественно изменить ситуацию в отношении Косова и Метохии символический капитал этого альянса начинает истощаться, причем его устойчивости угрожают не только давление извне, но и внутренние противоречия.

Nihil semper suo statu manet **(«Поворот не туда»)**

Мнемоническая дипломатия позволила России и Сербии создать альянс памяти как некое транснациональное политическое про-

---

³⁵ Prague Declaration on European Conscience and Communism. June 3rd, 2008, Prague // Senate of the Parliament of the Czech Republic. Available at: <https://www.praguedeclaration.eu/> (accessed: 23.01.2023).

³⁶ Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // European Parliament. 23.09.2008. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0439_EN.html (accessed: 23.01.2023).

³⁷ Warsaw Declaration on the occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes, 23rd of August 2011 // Platform of European Memory and Conscience. Available at: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2011/08/warsaw_declaration.pdf (accessed: 23.01.2023).

³⁸ European Parliament resolution on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. 17.09.2019. Available at: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0100_EN.html (accessed: 23.01.2023).

странство, призванное служить реализации общих интересов. Для сербских политических акторов повествование о вечном братстве двух народов, которые разделяют общее славное и победоносное прошлое, стало еще одним источником легитимности, ориентированным на внутреннюю аудиторию. Одновременно подключение к российскому нарративу содействовало укреплению международного престижа Сербии. Таким образом, рассматриваемый нами альянс памяти имел достаточно сильный оборонительный аспект: благодаря мнемоническому союзу с Россией Сербия становилась частью оплота против исторического ревизионизма и преднамеренного забвения героев.

Мнемонической диффузии способствовала инициативность русскоязычной диаспоры Сербии. Однако основная нагрузка в плане содействия распространению российской «мягкой силы» в стране легла на плечи официальных представительств: посольства и Российского центра науки и культуры в Белграде — «Русского дома» [Энтина, Смирнова, 2018: 55].

С 2015 г. — в качестве одного из отложенных следствий «крымской весны» — Россия стала активнее проводить свою историческую политику за рубежом. В числе прочего это проявилось в интернационализации движения «Бессмертный полк» в его уже огосударственной версии [Пономарёва, 2020].

В 2019 г. Россотрудничество совместно с Российским военно-историческим обществом инициировало совместный проект «Дороги Победы». Это историко-просветительская акция, в рамках которой организуются пешеходные экскурсии по дорогам боевой славы в европейских городах, за освобождение и взятие которых в 1945 г. были учреждены боевые медали: Белград, Варшава, Будапешт, Вена, Берлин, Прага. Именно Белград был выбран для старта проекта, причем на открытии присутствовал Д.А. Медведев.

Можно также упомянуть менее масштабные инициативы, например «Вальс Победы». На данном мероприятии традиционно присутствуют пророссийские сербские политические деятели, в том числе представители партии «Двери» — организации, основанной на сербском православном национализме, евроскептицизме и антиглобализме.

С 2019 г. акция «Бессмертный полк» стала государственным мероприятием в Сербии, также в Белграде прошла первая международная конференция «Память победителей» по инициативе Обще-

российского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России». В работе форума приняли участие около 100 организаторов шествия из 55 стран. В декабре 2020 г. в Парке освободителей был зажжен первый в Сербии Вечный огонь³⁹.

В том же 2020 г. А. Вучич лично предложил «Почте Сербии» выпустить марку, посвященную «Бессмертному полку». Это движение как-то сразу приобрело в стране массовый характер, объяснение чему политики увидели в соотнесенности национальных историй⁴⁰. В данном контексте симптоматично высказывание главы сербского представительства Россотрудничества Е.А. Баранова, который в 2021 г. объяснял журналистам причины массовости «Бессмертного полка» в стране: «Есть только два народа в мире, которые прошли через немецкий коэффициент “один к ста”. Больше, кроме нас и сербов, таких народов нет: за каждого убитого немецкого солдата по распоряжению командования уничтожались 100 сербов и 100 жителей СССР»⁴¹.

Подобное отождествление было призвано подчеркнуть нерушимость альянса памяти двух народов, одобренного политической элитой. Однако приходится констатировать, что властные круги демонстрируют скорее инструментальный подход к так называемым общим ценностям и причинно-следственная связь разворачивается в обратном направлении: не разделяемое прошлое служит основой политической солидарности в настоящем, а политическая конъюнктура сегодняшнего дня определяет, в какой степени это прошлое будет разделяться.

В 2022 г. коммеморативные мероприятия вокруг победы в Великой Отечественной войне как события, воплощающего суть культурного кода России, стали хорошей лакмусовой бумажкой отношения к нам в странах-союзниках или нейтральных государствах. Неслучайно в 2022 г. единственными членами правящей коалиции в «Бессмертном полку», прошедшими маршем от памятника Вуку

---

³⁹ В Сербии начался международный форум организаторов шествия «Бессмертный полк» // ТАСС. 03.11.2021. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/12835021> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁰ «Бессмертный полк» в Сербии стал самым массовым после РФ — Россотрудничество // ИА Красная Весна. 03.11.2021. Доступ: <https://rossaprimavera.ru/news/d05e46ac> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴¹ В Россотрудничестве объяснили массовость «Бессмертного полка» в Сербии // РИА Новости. 03.11.2021. Доступ: <https://ria.ru/20211103/serbiya-1757609608.html?ysclid=ld0ot7iz15260207489> (дата обращения: 23.01.2023).

Караджичу к мемориалу освободителям Белграда вместе с послом России А. Боцаном-Харченко, были министр без портфеля Н. Попович и директор «Сербиягаза» социалист Д. Баятович (занимающийся в том числе и сотрудничеством с «Газпромом»).

Что же могло оттолкнуть представителей правящей СПП от демонстрации мемориального союзничества с Россией?

Скорее всего, смешение нарративов: во главе колонны было развернуто большое знамя «Бессмертный полк Белграда», несли картонную фигуру президента России В.В. Путина, а также большую латинскую букву «Z»⁴².

Проблема Косова и Метохии, когда-то подтолкнувшая Белград к партнерству с Москвой, в том числе в области мнемонической политики, в современных условиях «мира после специальной военной операции» может стать триггером к разрыву мнемонического союза.

26 апреля 2022 г. российский лидер провел переговоры с Генеральным секретарем ООН. В.В. Путин, в частности, напомнил А. Гутерришу о поддержанном большинством западных стран решении Международного суда ООН по ситуации в Косове⁴³, «где написано, что при реализации права на самоопределение та или иная территория какого бы то ни было государства не обязана обращаться за разрешением на провозглашение своего суверенитета к центральным властям страны». «Если этот прецедент создан, — выразил недоумение двойными стандартами западного общества российский лидер, — то же самое могли сделать и республики Донбасса. Они сделали это, а мы со своей стороны получили право их признать в качестве независимых государств»⁴⁴.

Аналогия, проведенная В.В. Путиным, не нашла понимания у А. Вучича, заявившего 5 мая 2022 г. по итогам встречи с канцлером ФРГ О. Шольцем: «Наша позиция тяжела, ужасно сложна, а заявлениями президента Путина дополнительно усложнена. <...> В поли-

---

⁴² Басенков В. Функционеров правящей партии не пустили на «Бессмертный полк»? // RuSerbia.com. 11.05.2022. Доступ: <https://ruserbia.com/politika/funkcionerov-pravjashhej-partii-ne-pustili-na-bessmertnyj-polk/?ysclid=lcdmlylzxо363675345> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴³ 22 июля 2010 г. Международный суд ООН признал, что провозглашение независимости Косово не противоречит нормам международного права.

⁴⁴ Встреча с Генеральным секретарем ООН Антониу Гутеррешем // Официальный сайт Президента России. 26.04.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68287> (дата обращения: 23.01.2023).

тическом смысле никогда не было тяжелее, а боюсь, что со всем, что предстоит и в экономическом смысле, никогда не было тяжелее»⁴⁵.

Ранее, на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 2 марта 2022 г., Сербия проголосовала против специальной военной операции РФ на Украине. А. Вучич неоднократно повторял, что Белград поддерживает «территориальную целостность Украины, так же как поддерживает территориальную целостность Сербии»⁴⁶, которая при этом является единственной страной, находящейся западнее Белоруссии и не введшей санкции против РФ. Из 13 пунктов резолюции ООН «по осуждению действий России на Украине» Сербия поддержала только 4 — те, что не предполагают санкций и отчуждения имущества российских компаний в стране. В апреле 2022 г. тот же А. Вучич выразил благодарность российскому руководству за понимание решения Белграда проголосовать за приостановку участия РФ в Совете ООН по правам человека⁴⁷.

Сербия остается одной из немногих европейских стран, где всё еще работает «газовая дипломатия»⁴⁸, и Москва с пониманием относится к балансированию Белграда. Но интенсификация геополитической борьбы, в том числе на информационном фронте, грозит ослабить сложившиеся узы, и в первую очередь пострадает «надстройка» — отношения в области символической политики.

---

⁴⁵ Павлов Я. «Если Косово — не Сербия, то Донбасс — не Украина»: почему жалуется Вучич? // EurAsia Daily. 05.05.2022. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2022/05/05/esli-kosovo-ne-serbiya-to-donbass-ne-ukraina-pochemu-zhaluetsya-vuchich> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁶ Время давления на независимые страны прошло, заявил Вучич // РИА Новости. 23.06.2022. Доступ: <https://ria.ru/20220623/vuchich-1797498863.html?ysclid=ld4vuohgfk739630604> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁷ Ахтырко А. «Никогда не было тяжелее». Как сравнение Косово с Донбассом усложнило позицию Сербии // Газета.ru. 05.05.2022. Доступ: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/05/14819048.shtml?ysclid=ld36fqst29509015615&updated> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁸ В июне 2022 г. президенты России и Сербии условились о дальнейших бесперебойных поставках российского природного газа в Сербии. В настоящее время страна покупает газ в 4,5 раза дешевле, чем вся Европа. Новый газовый контракт подписан на три года, цена на газ рассчитывается 100% по нефтяной формуле, что означает от 310 до 408 долл. за 1 тыс. куб. м газа. Данные приводятся по: Павлов Я. «Если Косово — не Сербия, то Донбасс — не Украина»: почему жалуется Вучич? // EurAsia Daily. 05.05.2022. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2022/05/05/esli-kosovo-ne-serbiya-to-donbass-ne-ukraina-pochemu-zhaluetsya-vuchich> (дата обращения: 23.01.2023).

Однако это будут межгосударственные отношения, а не отношения народов. Показательно, что пока тот же А. Вучич публично осуждает потенциальные контакты сербов с ЧВК «Вагнер», первые сербские добровольцы (никак не связанные с данной ЧВК) уже начали боевую подготовку в Запорожской области.

* * *

Обращение к исторической памяти всегда было одним из важнейших инструментов модерации общественно-политической повестки. Одновременно политика памяти выступает составным элементом современных практик *soft power*, которые формируют ценностную структуру национального самосознания и позитивный имидж страны на международной арене [Белов, 2021]. Причем последний тезис нуждается в уточнении: эффективное использование «мягкой силы» каким-либо государством возможно лишь при условии, что в своих мирополитических интеракциях оно не имеет дело с культурой, изначально отвергающей его как такового.

Постъюгославское пространство отличается высоким уровнем трансграничного мнемонического обмена, и зачастую исторические нарративы, сформированные элитами бывшей СФРЮ, противоречат один другому.

Мнемоническая дипломатия, даже в асимметричных отношениях, каковыми в силу различий в потенциалах государств являются отношения России и Сербии, не предполагает одностороннего навязывания контента. Цели и мотивы обеих сторон российско-сербского альянса памяти расходятся.

Лучшему пониманию мотивации Сербии к участию в мнемоническом союзе с Россией способствует анализ популистских тенденций во внутренней и внешней политике страны. Заинтересованность Белграда объясняется стремлением ретроспективно повысить роль Сербии в европейской и мировой истории, а также упрочить отношения с традиционным геополитическим союзником. Поводом к укреплению российско-сербского альянса памяти стал «косовский прецедент», но в современных условиях, после сецессии Крыма, вхождения в состав России Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Херсонской и Запорожской областей, попытки российских политических лидеров провести аналогии между ситуациями в Косове и Донбассе негативно сказываются на отношениях Белграда

и Москвы. Неизменный аргумент, с которым Сербия выступает на любых международных площадках, включая ООН, — это защита территориальной целостности суверенных государств — тезис, распространяемый и на Украину.

Россия с помощью альянса памяти с Сербией укрепляла свой международный престиж как страны — наследницы Великой Победы и защитницы исторической правды от фальсификации. С момента образования нового независимого государства вопрос о его статусе в мировой системе был принципиально важен для Москвы. Стратегия социальной мобильности, неуместная для великой державы, была символически отброшена с разворотом Е.М. Примакова над Атлантикой и постепенно сменена на стратегии социального творчества и социальной конкуренции. Региональное социальное творчество Москвы на пространстве Западных Балкан выразилось в покровительстве консерватизму, православию, связях со славянами региона и продвижении комплементарных российскому исторических нарративов средствами мнемонической дипломатии. Применение этой стратегии, как следует из теории социальной идентичности, не предполагает, что претендент на статус открыто бросит вызов существующей и признаваемой им иерархии. Вместо этого он хочет получить искомый статус, отличившись в другой системе ранжирования. С 2014 г. во внешней политике России возобладали иная стратегия поиска международного статуса — стратегия конкуренции. Мировой порядок, сложившийся после окончания холодной войны, был окончательно признан нелегитимным. Россия стала выступать за его трансформацию в некую форму нового «концерта великих держав», в котором она будет участвовать наравне с другими. Это нашло отражение и в ужесточении риторики в области политики памяти, криминализации мемориального законодательства, отражающих готовность новой России выступить с позиции государства-ревизиониста [Edele, 2017], стремящегося к изменению сложившегося по итогам холодной войны несправедливого миропорядка. Угрозы обществу, которые присутствовали в более ранние периоды, риторически переносятся на настоящее, усиливая сценарии риска.

Когда описание взаимодействия с Западом через метафору второго издания холодной войны становится общим местом экспертных дискуссий, важно показать максимальному числу колеблющихся игроков как внутри, так и за пределами государства, что у тебя есть

союзники в этой борьбе, в том числе в области символической политики. Демонстрируя наличие у России мнемонических союзников вне постсоветского пространства, официальная Москва обозначает свою готовность обеспечить приемлемую для целого блока государств, не вписывающихся в западный неолиберальный проект, цивилизационную альтернативу Западу. Ссылка на Сербию как на еще одну страну, идущую по пути России, призвана оправдать мессианское изображение политическим руководством глобальной роли своей страны.

Однако в современной ситуации активизации информационного противостояния Запада и не-Запада Россия в восприятии политической элиты Белграда становится тем токсичным партнером, негативные эффекты взаимодействия с которым перевешивают позитивные. Симптоматично в данном случае одно из последних высказываний А. Вучича: «Когда у нас были самые большие потери и войны, у нас были союзники. Сейчас на нас никто не смотрел бы как на союзника из-за вооруженного конфликта на Украине и того факта, что Сербия, руководствуясь своей ответственной и честной позицией, не ввела санкции в отношении России»⁴⁹. Важно отметить: стратегия социальной конкуренции допускает, что действия соискателя более высокого статуса будут восприниматься как незаконные, дестабилизирующие или угрожающие существующей иерархии ценностей, однако в конечном счете победа останется за тем, чья версия мироустройства привлечет большее количество сателлитов и крупных игроков. Успешность любой стратегии измеряется, в числе прочего, готовностью обладателей более высокого статуса признать достижения страны в той области, где она пытается добиться престижа [Larson, Shevchenko, 2019: 271]. Статус — это ранг в иерархически выстроенном сообществе. Он интерсубъективен, поскольку основан на вере других и должен предоставляться путем добровольного уважения. Таким образом, восприятие имеет решающее значение.

В данном контексте контуры закладывающегося сегодня «миропорядка Z» определяют результаты специальной военной операции и способность России воспользоваться ими. Пока же, хотя формально Сербия занимает нейтральную позицию, операция по

---

⁴⁹ Вучич заявил, что Сербия осталась без союзников на Западе // РИА Новости. 02.02.2023. Доступ: <https://ria.ru/20230202/serbiya-1849251777.html?ysclid=ldoe1qdfhm757930634> (дата обращения: 03.02.2023).

«денацификации» Украины подорвала ее надежды на улучшение своего регионального и глобального статуса при помощи Москвы. В данном контексте российскому высшему политическому руководству остается акцентировать антинатовскую составляющую своего отношения к «прецеденту Косова», рассчитывая на сохранение поддержки если не официального Белграда, то сербского общества, и не педалировать тему права на самоопределение.

Анализируя уровень самоценности мнемонической дипломатии, отметим, что политические акторы неизменно демонстрируют чувствительность к культурному контексту, выстраивая свои исторические интерпретации. Последние должны хотя бы в минимальной степени соответствовать базовым ценностям политики, чтобы иметь перспективы достижения долгосрочного резонанса в обществе. Откликаясь на вызовы сегодняшнего дня, политика памяти всё же не полностью свободна от влияния укоренившихся традиций, норм и ценностей. Пренебрежение этим обстоятельством нередко оборачивается расколом между элитами, движимыми тактическими соображениями получения максимальной экономической выгоды, и обществом, более инертным в части сохранения опорных элементов своей культурной идентичности.

Обуславливающие факторы мнемонической дипломатии возникают как на национальной, так и на экстратерриториальной почве. И в данном контексте уместно сравнить альянсы памяти с золотом эльфов из «Лабиринтов Ехо» М. Фрая: вынесенное за пределы волшебного леса, оно превращалось в труху. Для сохранения «золотого» мнемонического союзничества необходимо, чтобы отношения взаимодействующих акторов развивались в «волшебном лесу» пусть асимметричных, но тесных экономических связей: взаимной геополитической заинтересованности и общего видения будущего. Вынесенные за пределы этой комфортной зоны комплементарные исторические нарративы, построенные на обращении к общему наследию, утрачивают силу притяжения и оказываются перед вызовом трансформации, соответствующей новому определению национальных интересов в условиях смены союзников и противников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белградская операция / Под общ. ред. Д.А. Волкогонова, С. Йоксимовича. М.: Воениздат, 1990.

2. Белов С.И. Трансформации политики памяти в отношении Второй мировой войны в 2008–2018 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2021. Доступ: https://iphras.ru/uplfile/diss/belov/avtoreferat_belov.pdf (дата обращения: 23.01.2023).

3. Горельский И.Е., Миронюк М.Г. Взбираясь по «статусной лестнице»: опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности // Политическая наука. 2019. № 3. С. 140–174. DOI: 10.31249/poln/2019.03.06.

4. Джурейнович Е., Попович М. «Работы малочисленной группы историков-ревизионистов получают огромный резонанс в медиа, поскольку они выступают агентами санкционированной государством политики памяти». Интервью с Е. Джурейнович // Историческая экспертиза. 2020. № 4 (25). С. 61–76. Доступ: https://ac1e3abf-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_b9c88769b1584a7198e36a7d46c60868.pdf (дата обращения: 23.01.2023).

5. Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. 2005. № 3. С. 157–169.

6. Ефременко Д.В. Миропорядок Z. Необратимость изменений и перспективы выживания // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3 (115). С. 12–30. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-12-30.

7. Ефременко Д.В. «Скелеты в славянском шкафу». Контроверзы исторической памяти и нацистроительство в Сербии и Хорватии после распада СФРЮ // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 127–145. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.09.

8. Ефременко Д.В., Севастьянова Я.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66–86. DOI: 10.31249/poln/2020.02.03.

9. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–54.

10. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

11. Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 217–237. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11.

12. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А.И. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.

13. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития: анализ, хроника, прогноз*. 2016. № 1 (80). С. 111–121. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121.

14. Нагорная О.С. Репрезентации прошлого в международных публичных пространствах: практики и границы мемориальной дипломатии // *Новое прошлое*. 2020. № 2. С. 90–100. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-2-90-100.

15. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004.

16. Понамарёва А.М. Огосударствление гражданских инициатив в практике политического использования прошлого (на примере движения «Бессмертный полк») // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. С. 188–201.

17. Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая идентичность // *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Весь мир, 2017. С. 465–469.

18. Семенов И.С. Политика идентичности // *Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий* / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 162–168.

19. Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03.

20. Семенов И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24.

21. Тимофеев А.Ю. Метаморфозы памяти о боевом братстве русских и сербов в годы Второй мировой войны в современной Сербии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13. № 4. С. 142–156. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-142-156.

22. Фадеева Л.А. Политика идентичности: акторы, стратегии, дискурсы // *Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 72–98.

23. Фененко А.В. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. № 1 (60). С. 40–71. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.3.

24. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2012. № 2 (18). С. 5–16.

25. Энтина Е.Г., Смирнова А.С. Роль диаспоры в формировании и развитии «мягкой силы» России в современной Сербии // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 49–59. DOI: 10.15211/soveurope520184959.

26. Edele M. Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of World War II // History and Memory. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 90–124. DOI: 10.2979/histmemo.29.2.05.

27. Europa: Notre histoire / Ed. by E. François, T. Serrier. Paris: Éditions des Arènes, 2017.

28. Hay C. Structure and agency // Theory and methods in political science / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 189–206.

29. Krickovic A., Weber Y. What can Russia teach us about change? Status seeking as a catalyst for transformation in international politics // International Studies Review. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 292–300. DOI: 10.1093/isr/viy024.

30. Larson D.W., Shevchenko A. Quest for status: Chinese and Russian foreign policy. New Haven: Yale University Press, 2019.

31. Larson D.W., Shevchenko A. Status seekers: Chinese and Russian responses to US primacy // International Security. 2010. Vol. 34. No. 4. P. 63–95. DOI: 10.1162/isec.2010.34.4.63.

32. Larson D.W., Wohlforth W.C. Status and world order // Status in world politics / Ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 3–29.

33. Manojlović P.O. Nevidljiva mesta sećanja: Spomenici crvenoarmejcima u Srbiji. Oslobođenje Beograda 1944. 2010. P. 545–553.

34. McGlynn J., Đureinović H. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy // Memory Studies. 2022. P. 1–16. DOI: 10.1177/17506980211073108.

35. Šćepanović J. Russia, the Western Balkans, and the question of status // East European Politics and Societies. 2022. P. 1–25. DOI: 10.1177/08883254221130366.

36. Stojanović D. Revisions of Second World War history in contemporary Serbia // Serbia and the Serbs in World War Two / Ed. by S.P. Ramet, O. Listhaug. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 247–264.

37. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. No. 1. P. 1–39. DOI: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245.

38. Walker S. The long hangover: Putin's Russia and the ghosts of the past. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018.

39. Živanović M. Politika sećanja u Jugoslaviji na oslobodilačke operacije 1944: i ulogu Crvene armije // Tokovi Istorije. 2020. No. 2. P. 139–160. DOI: 10.31212/tokovi.2020.2.ziv.139-160.

REFERENCES

1. Volkogonov D.A., Ioksimovich S. (eds.). 1990. *Belgradskaya operatsiya* [The Belgrade offensive]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

2. Belov S.I. 2021. *Transformatsii politiki pamyati v otnoshenii Vtoroi mirovoi voyny v 2008–2018 gg.* [Transformations of the politics of memory in relation to the Second World War in 2008–2018]. Abstract of Doctor of Science thesis. Moscow. Available at: https://iphras.ru/uplfile/diss/below/avtoreferat_belov.pdf (accessed: 23.01.2023). (In Russ.)

3. Gorel'skii I.E., Mironyuk M.G. 2019. Vzbirayas' po 'statusnoi lestnitse': opyt empiricheskogo issledovaniya svyazi statusa gosudarstva v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii i gosudarstvennoi sostoyatel'nosti [Climbing the status ladder: An experiment in empirical research of relation between status of a state in the system of international relations and state capacity]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 140–174. DOI: 10.31249/poln/2019.03.06. (In Russ.)

4. Dzhureinovich E., Popovich M. 2020. 'Raboty malochislennoi gruppy istorikov-revizionistov poluchayut ogromnyi rezonans v media, poskol'ku oni vystupayut agentami sanktsionirovannoi gosudarstvom politiki pamyati'. Interv'y u s E. Dzhureinovich ['Serbian revisionist historians are actually fewer than five people. However, their work resonates widely because they receive media attention'. Interview with Jelena Đureinović]. *The Historical Expertise*, no. 4 (25), pp. 61–76. Available at: https://ac1e3a6f-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_b9c88769b1584a7198e36a7d46c60868.pdf (accessed: 23.01.2023). (In Russ.)

5. Efremenko D.V. 2005. Drama evropeiskoi identichnosti [The drama of European identity]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 157–169. (In Russ.)

6. Efremenko D.V. 2022. Miroporyadok Z. Neobratimost' izmenenii i perspektivy vyzhivaniya [World order Z: The irreversibility of change and prospects for survival]. *Russia in the Global Affairs*, vol. 20, no. 3 (115), pp. 12–30. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-12-30. (In Russ.)

7. Efremenko D.V. 2021. 'Skelety v slavyanskom shkafu'. Kontroverzy istoricheskoi pamyati i natsiestroitel'stvo v Serbii i Khorvatii posle raspada SFRYu [Skeletons in a Slavic closet. Controversies of historical memory and nation-building in Serbia and Croatia after the collapse of the SFRY]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 127–145. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.09. (In Russ.)

8. Efremenko D.V., Sevast'yanova Ya.V. 2020. Sek'yuritizatsiya pamyati i dilemma mnemonicheskoi bezopasnosti [Securitization of memory and dilemma of mnemonic security]. *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 66–86. DOI: 10.31249/poln/2020.02.03. (In Russ.)

9. Malinova O.Yu. 2018. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [Politics of memory as a branch of symbolic politics]. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: sbornik nauchnykh trudov* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 27–54. (In Russ.)

10. Malinova O.Yu. 2010. Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsskoi Rossii [Symbolic politics and

construction of macro-political identity in post-soviet Russia]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 90–105. (In Russ.)

11. Meleshkina E.Yu. 2018. Pamyat' o sotsialisticheskoi Yugoslavii v publichnom prostranstve byvshikh respublik SFRYu [Memory of socialist Yugoslavia in public sphere of the former SFRY republics]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 217–237. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11. (In Russ.)

12. Miller A.I. 2012. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [History politics in Eastern Europe at the beginning of the 21st century]. In: Miller A.I., Lipman M. (eds.). *Istoricheskaya politika v XXI veke* [History politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 7–32. (In Russ.)

13. Miller A.I. 2016. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati [The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European memory culture]. *Politeia*, no. 1 (80), pp. 111–121. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121. (In Russ.)

14. Nagornaya O.S. 2020. Rerezentatsii proshlogo v mezhdunarodnykh publichnykh prostranstvakh: praktiki i granitsy memorial'noi diplomatii [Representations of the past in the international public spaces: Practices and limitations of memorial diplomacy]. *The New Past*, no. 2, pp. 90–100. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-2-90-100. (In Russ.)

15. Neumann I. 1998. *Uses of the Other: 'The East in the European identity formation*. University of Minnesota Press [Russ. ed.: Noimann I. 2004. Ispol'zovanie 'Drugogo': obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskoi identichnosti. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ.].

16. Ponomareva A.M. 2020. Ogosudarstvlenie grazhdanskikh initsiativ v praktike politicheskogo ispol'zovaniya proshlogo (na primere dvizheniya 'Bessmertnyi polk') [Nationalization of civil initiatives in the political instrumentalization of the past (The case of the movement 'Immortal Regiment')]. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ., pp. 188–201. (In Russ.)

17. Prokhorenko I.L. 2017. Vneshnepoliticheskaya identichnost' [Foreign policy identity]. In: Semenenko I.S. (ed.). *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 465–469. (In Russ.)

18. Semenenko I.S. 2011a. Politika identichnosti [Identity politics]. In: Semenenko I.S. (ed.). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1: Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii* [Political identity and identity politics: In 2 vols. Vol. 1: Identity as a category of

political science: Dictionary of terms and concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 162–168. (In Russ.)

19. Semenenko I.S. 2016. Politicheskaya identichnost' v kontekste politiki identichnosti: etnonatsional'nye rakursy, evropeiskii kontekst [Identity politics and identity in politics: Ethno-national perspectives, European context]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03. (In Russ.)

20. Semenenko I.S. 2011b. Politicheskaya identichnost' v kontekste politiki identichnosti [Political identity and identity politics]. *Political Expertise: POLITEX*, vol. 7, no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)

21. Timofeev A.Yu. 2020. Metamorfozy pamyati o boevom bratstve russkikh i serbov v gody Vtoroi mirovoi voyny v sovremennoi Serbii [Metamorphoses of memory of the Russian-Serbian brotherhood of war in modern Serbia]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 13, no. 4, pp. 142–156. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-142-156. (In Russ.)

22. Fadeeva L.A. 2012. Politika identichnosti: akторы, strategii, diskursy [Identity politics: Actors, strategies, discourses]. In: Semenenko I.S. (ed.). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 2: Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke* [Political identity and identity politics: In 2 vols. Vol. 2: Identity and socio-political changes in the 21st century]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 72–98. (In Russ.)

23. Fenenko A.V. 2020. Anti-myagkaya sila v politicheskoi teorii i praktike [Anti-soft power in political theory and practice]. *International Trends*, vol. 18, no. 1 (60), pp. 40–71. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.3. (In Russ.)

24. Tsumarova E.Yu. 2012. Politika identichnosti: politics ili policy? [Identity politics: politics or policy]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 2 (18), pp. 5–16. (In Russ.)

25. Entina E.G., Smirnova A.S. 2018. Rol' diaspory v formirovanii i razvitiu 'myagkoi sily' Rossii v sovremennoi Serbii [The role of the diaspora in the formation and the development of Russia's 'soft power' in modern Serbia]. *Contemporary Europe*, no. 5 (84), pp. 49–59. DOI: 10.15211/soveurope520184959. (In Russ.)

26. Edele M. 2017. Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of World War II. *History and Memory*, vol. 29, no. 2, pp. 90–124. DOI: 10.2979/histmemo.29.2.05.

27. François E., Serrier T. (eds.). 2017. *Europa: Notre histoire*. Paris, Éditions des Arènes.

28. Hay C. 2010. Structure and agency. In: Marsh D., Stoker G. (eds.). *Theory and methods in political science*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 189–206.

29. Krickovic A., Weber Y. 2018. What can Russia teach us about change? Status seeking as a catalyst for transformation in international politics. *International Studies Review*, vol. 20, no. 2, pp. 292–300. DOI: 10.1093/isr/viy024.

30. Larson D.W., Shevchenko A. 2019. *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven, Yale University Press.

31. Larson D.W., Shevchenko A. 2010. Status seekers: Chinese and Russian responses to US primacy. *International Security*, vol. 34, no. 4, pp. 63–95. DOI: 10.1162/isec.2010.34.4.63.

32. Larson D.W., Wohlforth W.C. 2014. Status and world order. In: Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds.). *Status in world politics*. New York, Cambridge University Press, pp. 3–29.

33. Manojlović P.O. 2010. *Nevidljiva mesta sećanja: Spomenici crvenoarmejcima u Srbiji. Oslobođenje Beograda 1944*, pp. 545–553.

34. McGlynn J., Đureinović H. 2022. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy. *Memory Studies*, pp. 1–16. DOI: 10.1177/17506980211073108.

35. Šćepanović J. 2022. Russia, the Western Balkans, and the question of status. *East European Politics and Societies*, pp. 1–25. DOI: 10.1177/08883254221130366.

36. Stojanović D. 2011. Revisions of Second World War history in contemporary Serbia. In: Ramet S.P., Listhaug O. (eds.). *Serbia and the Serbs in World War Two*. London, Palgrave Macmillan, pp. 247–264.

37. Tajfel H. 1982. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, vol. 33, no. 1, pp. 1–39. DOI: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245.

38. Walker S. 2018. *The long hangover: Putin's Russia and the ghosts of the past*. Oxford, New York, Oxford University Press.

39. Živanović M. 2020. Politika sećanja u Jugoslaviji na oslobodilačke operacije 1944: i ulogu Crvene armije. *Tokovi Istorije*, no. 2, pp. 139–160. DOI: 10.31212/tokovi.2020.2.ziv.139-160.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 20.05.2023

The paper was submitted 21.01.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 20.05.2023